
«Философия это не столько профессия, сколько образ жизни» Беседа Б.И. Пружинина с Ю.В. Синеокой

© 2020 г. Ю.В. Синеокая^{1*}, Б.И. Пружинин^{2**}

^{1,2} *Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

** E-mail: jvsineokaya@gmail.com*

*** E-mail: prubor@mail.ru*

Поступила 10.03.2020

Беседа главного редактора журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинина с членом-корреспондентом РАН, профессором РАН, заместителем директора Института философии РАН по научной работе, руководителем сектора истории западной философии Института философии РАН Ю.В. Синеокой об экзистенциальном измерении современной философии и философских поколениях, а также о проблемах современной истории философии, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: философия, экзистенциалы, история философии, коммуникация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-5-14

Цитирование: «Философия это не столько профессия, сколько образ жизни». Беседа Б.И. Пружинина с Ю.В. Синеокой // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 5–14.

“Philosophy is not so much a profession as a lifestyle” The Conversation of B.I. Pruzhinin and Yu.V. Sineokaya

© 2020 Yulia V. Sineokaya^{1*}, Boris I. Pruzhinin^{2**}

^{1,2} Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

* E-mail: jvsineokaya@gmail.com

** E-mail: prubor@mail.ru

Received 10.03.2020

Conversation of the chief editor of the journal *Voprosy Filosofii* B.I. Pruzhinin with a Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor RAS, Deputy Director for Research at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences and Head of the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Yu.V. Sineokaya about the existential dimension of modern philosophy and philosophical generations, as well as about the problems of the modern history of philosophy, intercultural communication.

Keywords: philosophy, existentials, history of philosophy, communication.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-5-14

Citation: Sineokaya, Yulia V., Pruzhinin, Boris I. (2020) ‘*Philosophy is not so much a profession as a lifestyle*’ The Conversation of B.I. Pruzhinin and Yu.V. Sineokaya’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 5–14.

Пружинин: Юлия Вадимовна, редакция «Вопросов философии» поздравляет Вас с избранием членом-корреспондентом Российской академии наук. Стоит начать с вопроса о том, в чем Вы видите специфику своей работы?

Синеокая: Большое спасибо за поздравление, Борис Исаевич! Если оставить за скобками мои административные обязанности в Институте философии РАН (работу в качестве заместителя директора и руководителя сектора истории западной философии), а также в Российской академии наук (членство в ряде комиссий при Президиуме РАН и Координационном совете профессоров РАН), и сосредоточиться на научной деятельности, то я бы сказала, что мое внимание сфокусировано, главным образом, на проблеме философской коммуникации, объединяющей теоретическую и практическую стороны моих занятий.

В центре научно-организационной работы, которой я занимаюсь, – два моих авторских проекта «Анатомия философии» (запущенный в 2014 г.) и «Философская мастерская» (функционирующий с 2018 г.). Они оба направлены на вхождение академической философии в публичное пространство России. Значимость просветительской и популяризаторской деятельности профессиональных философов определяется для меня тем, что, с одной стороны, способствует коммуникации внутри научного сообщества, а с другой, помогает людям, далеким от науки и принадлежащим разным профессиональным, социальным и возрастным группам, ориентироваться в мире, формировать личную систему ценностей, находить смысл в повседневной жизни.

Что же касается моих историко-философских исследований, их цель – посредством изучения отечественного и зарубежного философского наследия (публикаций, архивных документов, эпистолярных материалов, мемуаров) анализировать мыслительные установки прошлого и сегодняшнего дня. В своей научной работе я различаю два типа философской коммуникации – межкультурную и межличностную (экзистенциальную).

Классический историко-философский подход к анализу текстов предполагает изучение философских концепций в их становлении, выявление логики развития и трансформации идей. Будучи сторонником этой традиционной методологии, активно применяя ее при изучении масштабных феноменов, я считаю возможным дополнить ее новым ракурсом, при котором отправным пунктом в исследовании философских парадигм служат не идеи, а экзистенциалы. Сегодня этот аспект интересует меня в первую очередь. Мною задуман и реализуется проект изучения рождения и развития философских установок внутри малых философских сообществ и групп, основанный на исследовании межличностной коммуникации авторов. В ходе своих занятий я не раз убеждалась в том, что зачастую философские труды – не прямая исповедь их создателей.

В качестве примера историко-философского анализа масштабных феноменов межкультурной коммуникации, отправным пунктом которого служат идеи, могу назвать ряд своих публикаций о русской ницшеане (Синеокая Ю.В. *Три образа Ницше в русской культуре* (2008); *Ницше сегодня / автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая* (2019); *Ницше: Pro et Contra / ред.-сост. Ю.В. Синеокая* (2001); *Фридрих Ницше и философия в России / ред.-сост. Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая* (1999), а также серию статей). Цель этих исследований – выявление логики становления отечественной философии посредством принятия или отвержения российскими интеллектуалами творчества Ницше.

Другим примером межкультурной коммуникации, на этот раз направленной на исследование самого наследия Ницше, а не рецепции его идей, является инициированный мною коллективный труд *Фридрих Ницше: наследие и проект / сост. и отв. ред. Синеокая Ю.В., Полякова Е.А.* (2017). Эта книга определяет проблемное поле ницшеведения первой половины XXI в. Три десятка ведущих ницшеведов из 13 стран, работающих сегодня в университетах и научно-исследовательских центрах России, Европы и Америки, обсуждают на страницах этого издания специфику влияния идей Ницше на мировую культуру, спорят о том, какие мысли Ницше оказались наиболее востребованы в XX в., поднимают вопрос о его ответственности за идеологию национал-социализма, прогнозируют вектор востребованности идей Ницше в философии нынешнего столетия.

Что же касается исследования межличностной коммуникации, то удачным примером того, как работает историко-философский анализ, отправным пунктом которого служат экзистенциалы, я считаю задуманную и изданную мною коллективную монографию *Философские эманации любви / авт. идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая* (2018). Эта книга рассказывает о том, как из переплетения личных и творческих судеб мыслителей кристаллизуются философские тексты. Цель этого проекта – описание рождения философских концепций из сродства душ авторов, исследование наследия философских союзов, чье творчество освещено обоюдной любовью (Пьер Абеляр и Элоиза, Фридрих Ницше и Лу Саломе, Сабина Шпильрейн и Карл-Густав Юнг, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар и др.). Это издание можно назвать летописью творчества философов разных эпох, живших в разных странах, работавших в разных мыслительных парадигмах, историей формирования философских концепций, представленных как «биографии» идей и смыслов.

Надеюсь, что в скором времени мне удастся опубликовать еще два тома, продолжающих этот проект. Одно издание расскажет о философских эманациях дружбы – концепциях, рождающихся в ходе товарищеских бесед, споров, взаимной критики и обмена интуициями. Вторая книга будет посвящена истории формирования философских концепций в ходе как публичных, так и частных дискуссий на собраниях философских обществ, кружков и центров. В этой коллективной монографии будут также представлены имеющие знаковое значение для становления философской традиции дискуссии и полемики, состоявшиеся на заседаниях редакций философских журналов и собраниях редколлегий философских книгоиздательств.

Пружинин: Действительно, сегодня на острие философских дискуссий оказалась очень важная тема: экзистенциальные измерения философии. Речь идет о таких характеристиках, которые, собственно, и создают философию.

Синеокая: Да, бесспорно, вне экзистенциального личного опыта философия невозможна. Поэтому, отдавая дань традиционному взгляду на историю философии как летопись логики становления идей и смыслов, я уверена в перспективности иного историко-философского измерения, отправным пунктом которого служат экзистенциалы. Важность этого подхода в том, что он легитимирует философствование, не опирающееся на историю, традицию, даже строгую логическую доказательность. Более того, этот подход работает вне аксиомы непротиворечивости: для экзистенциального дискурса допустимы противоречивые высказывания. Его цель состоит не в трансляции уже добытых выводов, не в назидании или утешении, а в том, чтобы завязать разговор между мыслящими людьми, дать собеседнику импульс для самостоятельных раздумий. Такой подход практиковали многие мыслители, вошедшие в историю философии как первопроходцы неосвоенного мыслительного ландшафта: Монтень, Лессинг, Ницше, Хайдеггер...

Вместе с тем для меня важно, что экзистенциальная философия – область единения разных полюсов мысли, общее интеллектуальное пространство для людей, выражающих себя на разных языках. Сама ее возможность – свидетельство единства философских интуиций, несмотря на фактическое разнообразие типов познания и сознания, определяющих своеобразие крупных культурных ареалов. Экзистенциальный подход – довод в пользу отсутствия непроходимых перегородок между культурами и цивилизациями, доказательство их принципиальной неизолированности. Для экзистенциалов нет границ, обусловленных языковыми и ментальными барьерами, логикой смысла различных систем рациональностей. Экзистенциальное начало позволяет услышать друг друга философам, принадлежащим к разным школам и традициям, тем, кто считает друг друга единомышленниками, и тем, кто воспринимает друг друга как оппонентов.

Пруссин: *По большому счету, это действительно любовь к мудрости. Это действительно любовь к софии. Причем философы – это люди-энтузиасты (так было во все времена).*

Синеокая: Вы говорите, что философия начинается с любви? Да, я согласна с Вами: поиск и обретение истины требуют не только глубокомыслия, мужества и верности, но и любви. Правда, говоря о любви, я имею в виду не любование абстрактными мыслительными конструкциями, не завороченность строгим величием императивов и даже не любовь ко всему человеческому роду – к людям с их изъянами и пороками. Я имею в виду избирательную личную дружескую любовь *filia*, или, говоря словами Монтеня, опыт добровольной свободы, создающий человека. Это взаимное дарение мыслей, чувств, прозрений, смыслов и мнений, из которых рождаются философские тексты, из которых для каждого из нас складывается образ себя самого. *Filia* – любовь, дарящая человеку целостность, делающую его таким, каким его нет без его дружеского круга общения, дружеского спора, дружеского откровения, без «голоса друга». Эта любовь к другому, другу, является способом и формой познания, понимания нами себя и мира.

Конечно, мне известно, что в философских энциклопедиях и словарях есть немало имен знаменитых мизантропов, однако я уверена, что искусство философствования невозможно без интеллектуальной щедрости, без открытости другому для совместного переживания смысла. Занятия философией предполагают слушание, обсуждение, диалог, выражение аргументированного несогласия. Философия во многом определяется талантом к дружескому общению, в ходе которого человек сбывается, обретает самость, становится собой.

Франсуа Федье, следуя хайдеггеровской интуиции, уподобил дружбу двери, распахнутой в метафизический опыт человека. О философии как «голосе друга» размышляли Платон, Аристотель, Цицерон. Долг перед такой дружбой Монтень ставил выше гражданского долга, такой дружбе Ханна Арендт отдавала предпочтение перед братством и товариществом. Экзистенциальное, обращенное к другу философствование, – это талант, сохраняя свободу от чужого принуждения, не принуждать другого силой логической доказательности. Это умение услышать и разглядеть себя в другом,

а другого в себе, мудрость подарить другому, непохожему на тебя, его самого, не навязывая себя, свои собственные прозрения и ориентиры.

Пружинин: *Получается так, что философия это коллективный труд?*

Синеокая: Философия возможна только как высказывание от первого лица, от «Я». Но философ не может состояться ни в изоляции, ни в замкнутом круге своего эго, ни в ситуации единодушного согласия. Более того, на мой взгляд, философии принципиально чужд дух корпоративности, даже дух солидарности. Однако это вовсе не означает отсутствия в философском сообществе профессиональной поддержки и гражданской солидарности.

Философствование не синоним одиночества. Философский дискурс по природе своей диалогичен. Поэтому я считаю, что для понимания истоков появления и становления философских идей так важно исследование круга общения их автора. За рабочим столом наедине с собой автор может фиксировать свои мысли и интуиции, продумывать логику доказательств, систематизировать факты, но стихия рождения смыслов – беседа, разговор. Круг дружеского и профессионального общения играет решающую роль в жизни философа. Конечно, собеседниками могут быть и далекие создатели читаемых текстов, но для обсуждения прочитанного и помысленного необходима среда. Мысль, прежде чем она утвердится и станет ясной, нуждается в аргументации, аккумулирующейся в проговаривании, обсуждении, возражениях, вопросах, споре.

Пружинин: *Поэтому так важны конференции, семинары, встречи.*

Синеокая: Признаться, я не очень люблю такие масштабные мероприятия, как конгрессы и многолюдные конференции. Очевидно, что их цель не поиск истины, а возможность расширить профессиональный круг коммуникации, поддержать давние знакомства и завязать новые. Безусловно такие собрания – важная составляющая профессиональной жизни философов. Для формирования философской среды нужны ассоциации и общества, интеллектуальные клубы и собрания, но в моем частном случае, плодотворнее камерные беседы и личные встречи, после которых тексты коллег оживают, в них я начинаю улавливать интонацию автора, открывать новые нюансы. По этой же причине для меня, как историка философии, важно для реконструкции концепций прошлых эпох исследовать эпистолярное наследие авторов, их дневниковые записи, мемуары и воспоминания тех, кто составлял круг общения мыслителя во время его работы над тем или иным сочинением.

Пружинин: *Я на это наткнулся, когда мы с Т.Г. Щедриной работали над серией «Философия России первой половины XX века», я начал понимать, что без личной судьбы это неинтересно (в конце концов, Платон все сказал).*

Синеокая: Думаю, проиллюстрировать Вашу мысль можно на примере калейдоскопа. Количество находящихся в этом устройстве цветных стеклышек-смыслов ограничено, но вращать трубку можно бесконечно, и при каждом новом повороте в глазок будет видно, как из стеклышек, благодаря движению складываются новые комбинации. Отражаясь друг в друге и во внешних зеркалах, стеклышки складываются во все новые узоры. Эта игра завораживает наблюдателя своим многоцветием, ведь любоваться неповторяющимися узорами можно бесконечно... То, как те или иные идеи и смыслы преломляются в творчестве философа – напрямую зависит от его личного жизненного и мистического опыта, специфики его времени, его поколенческих стереотипов, круга его общения. Однако все эти составляющие самоценны лишь до тех пор, пока мы приближаемся к сути сочинения, настраиваемся на его лад. В момент погружения в философский текст все жизненные детали теряют свою автономность, теперь они – плоть от плоти текста, сплавлены и растворены в тексте, неотделимы от него. Тут может быть уместна аналогия между признанными историко-философскими исследованиями и секретом успеха великих романов о любви. В обоих случаях речь идет о преддверии главного. В сюжете любовного романа описание перипетий судеб героев повествования всегда оканчиваются на пороге любви, на пороге интимности. Когда наступает момент взаимовоплощения двоих, событийная канва обрывается. Также

в хорошем историко-философском труде кульминацией служит момент, когда герой исследования преобразуется в свой текст, становится плоть от плоти своих идей.

В основе любой философской темы лежит личная экзистенциальная человеческая проблема. Федор Сологуб однажды очень точно заметил, что все мы любим так же, как понимаем мир, что история любви каждого человека – точный слепок с истории его отношений к миру вообще. Чтобы понять смысл философской концепции, важно взглянуть на изнанку текста – держать в голове сведения о том, с кем автор, работая над своим сочинением, общался, с кем скрыто полемизировал или кому подспудно адресовал свои высказывания, что его заботило и пугало, что его радовало и вдохновляло, что и кому он пытался объяснить. Это, с одной стороны. С другой же стороны, историку философии важно четко отдавать отчет самому себе о том, что именно он сам вчитывает в чужой текст, что и как переиначивает в нем под себя. Во все времена духовная атмосфера, в которой мы живем, наше окружение, контекст, в котором протекает наша жизнь, определяют те вопросы, которые мы обращаем к себе самим. Но жизнь идет дальше, и невозможно удовлетвориться одним решением на все времена. Меняющиеся обстоятельства иначе расставляют акценты нашего восприятия смыслов, меняют нашу аргументацию.

Пружинин: *Когда Вы это почувствовали?*

Синеокая: Не знаю. Вероятно, в результате наблюдения над собой, размышлениями обо мне той, которой уже нет. В то же время это результат опыта понимания тех людей, которые вдыхают в меня жизнь, и тех, кто раскалывает меня вдребезги, словом, тех, кто определил мои сегодняшние черты, высветив одно и затемнив другое во мне. Меня не перестает удивлять, как старые знакомые, которых надолго разлучила судьба, спустя годы узнают друг друга при встрече и продолжают общение, как и прежде. Я проживаю жизнь иначе. За полвека я много раз менялась. Ни один этап моей жизни не похож на другой. Мне кажется, что соединить меня воедино – задача непосильная, да и не нужная мне самой.

Пружинин: *Но есть же что-то неизменное?*

Синеокая: Да, есть, конечно, важные для меня ориентиры, один из них – кормчая звезда – наш Институт философии. Каждый раз, поднимаясь на его порог и открывая входную дверь, у меня перехватывает дыхание. Это то щемящее чувство причастности к сообществу многих поколений достойных и талантливых людей, которое пронизывало меня на Волхонке, 14, и которое живет во мне сегодня, здесь на Гончарной, 12, где сейчас мы с Вами беседуем. Институт для меня тот стержень, та жизненная ось, на которую нанизываются события, определяющие мою судьбу. За почти тридцатилетнюю работу в Институте мне посчастливилось параллельно преподавать в четырех университетах, жить радостями и болью близких мне людей из других стран, моя личная история связана не только с Москвой, но и Иерусалимом, Оксфордом и Парижем, я знаю эти города наизусть, научилась читать лица их жителей. Но куда бы я ни уезжала, я всегда рада возвращению в наш общий философский дом, в мой Институт.

Пружинин: *А кто из философов Вас по-настоящему «задел»?*

Синеокая: Очень многое из того, что я знаю сегодня, подсказали мне Вячеслав Иванов, Фридрих Ницше и Мишель Монтень. Личность каждого из них зримо проступает через текст, эти авторы не прячутся за объективностью смыслов.

Говоря о своих учителях, назову не всех, только два имени близких мне людей – моих Учителей не только в профессии, но и в жизни: профессор Нелли Васильевна Мотрошилова (научный руководитель моих диссертационных работ) и мой университетский преподаватель, профессор Георгий Степанович Кнабе. С каждым из них мне посчастливилось дружить, бродить по Москве, вместе бывать на выставках, концертах и в театрах, смотреть фильмы, а потом обсуждать увиденное. Мне выпала радость быть одной из первых читательниц многих их работ. Для меня всегда были открыты двери их домов, где я была желанным гостем, где мною, совсем еще молодым человеком, искренне интересовались, где мое мнение принималось всерьез. Именно они научили меня ставить цели и бороться «несмотря на» и «вопреки всему» до победы;

научили меня искусству проигрывать; научили ценить в людях достоинство, творческий потенциал, умение отдаваться работе без остатка. Они научили меня воспринимать историю не как синоним прошлого, отделенного от сегодняшнего дня временной дистанцией, а как происходящее здесь и теперь. С ними я переживала и обсуждала распад СССР и становление Евросоюза. Они научили меня видеть в событиях повседневности важные исторические феномены, вплетать их пульсирующими, становящимися на глазах в традицию, фиксировать живые смыслы, видеть культурные феномены в их целостности. С этими людьми меня связывают десятилетия глубинной, экзистенциальной дружбы, бесконечные часы профессиональных бесед и споров, вместе обретенные прозрения, вместе пережитые взлеты и падения. Эти два человека определили мое становление.

Другой важный фактор, определивший меня, – это мое поколение, девяностодесятники, те, с кем я училась на философском факультете МГУ, с кем дружила в молодости. Многие из моих однокашников теперь блестящие профессионалы. Тогда, в студенческие годы на рубеже 1980–90 гг., это был товарищеский союз, но вовсе не *mutual admiration society*, – в нашем содружестве не было упоительного согласия. Это была пора самоутверждения: борьба за интеллектуальное лидерство, парад талантов и умений. Мы спорили и доказывали друг другу свои истины, каждый казался гением, мы были интересны друг другу, учились друг у друга, радовались успехам друг друга. Однако каждое выступление на семинаре сопровождалось жестким спором, каждый доклад вызывал вопросы, каждое публично высказанное суждение опровергалось и обсуждалось. Оппоненты и критики оказывались истинными друзьями, поскольку заставляли все время работать и думать, идти вперед. Это был вечный ринг, игра всерьез. Могу с теплотой назвать несколько имен тех представителей поколения 1990-х, которые уже вписаны в отечественную философию: Валериан Анашвили, Вадим Васильев, Василий Ванчугов, Борис Межуев, Алексей Козырев, Олег Никифоров, Петр Резвых, Татьяна Резвых, Игорь Чубаров, Елена Брызгалина и др. Журнал «Логос» появился на нашем третьем курсе в 1991-м. Двумя годами раньше по инициативе Валерия Александровича Кувакина и моего университетского научного руководителя, которому я очень благодарна и которого бесконечно высоко ценю, – Михаила Александровича Маслина на кафедре русской философии МГУ был создан кружок исследователей отечественной философии Серебряного века «Летописец», им руководил недавний выпускник факультета Дмитрий Барам. Собрания проходили на Сивцевом Вражке, в «служебной» квартире одного из наших сокурсников, подрабатывавшего дворником. Время было уникальное, живое, пластичное, мир был распахнут, мировое интеллектуальное наследие входило в нашу повседневность, переживалось как данность здесь и теперь, открывались архивы и спецхраны... Наверное, эти реалии студенческой жизни и убедили меня в том, что мой профессиональный путь выбран верно.

Пружинин: *Вот да, тему учителей мы затронули. Ну что же еще? Ваш сектор?*

Синеокая: В аспирантуру Института философии, к заведующей сектором истории западной философии Н.В. Мотрошиловой, я пришла в 1992 г., в 1995-м была принята в сектор младшим научным сотрудником. Сектор наш всегда был блестящим созвездием талантов. Сегодня у нас 18 исследователей, я горжусь каждым из моих коллег.

Могу открыть Вам секрет. Есть в нашем секторе один человек, играющий в моей карьере особую роль, он – мой оберег. Это наш старейший коллега, классик российской философии – Эрих Юрьевич Соловьев, блестящий оратор и гениальный собеседник. С самого начала моей работы в секторе так повелось, что, задумывая новое дело, именно ему первому я рассказываю о своей затее и... он неизменно начинает ругать меня, называть мой проект провальным, уверяет, что ничего путного у меня не выйдет. Когда же все складывается удачно, мы идем с ним вдвоем праздновать победу его любимым крабовым супом.

А говоря серьезно, самое важное в нашем секторе сегодня, это люди из будущего российской философии – наши молодые талантливые коллеги, в чей успех я верю. Их требовательный максимализм, искреннее отношение к своему делу, глубокие знания

задают вектор движения вперед, помогают преодолевать стереотипы, понимать то новое, что идет на смену сегодняшнему дню.

Пружинин: *Институт понятно, это такой круг широкий и равный по статусу, по интеллектуальным возможностям.*

Синеокая: Да, я очень ценю нашу институтскую атмосферу. От многих академических институций мы отличаемся тем, то у нас нет четко обозначенной внутренней иерархии, нет культа чинопочитания, но сильна живая связь поколений. Сегодня в Институте работают коллеги от 25-летнего до 95-летнего возраста, каждый сотрудник, независимо от прожитых лет и занимаемой должности, открыто высказывает свое мнение. Люди привыкли возражать, критиковать и спорить, невзирая на официальный статус и регалии. Это залог творческого успеха Института.

Монтень в главе «Об уединении» своих «Опытов» вводит понятие «необщительной общительности». Он говорит, что нет другого существа, которое было бы столь же неуживчиво и столь же общительно, как человек: первое – по причине его пороков, второе – в силу его природы. Это одна из определяющих не только человеческую судьбу антиномий: стремление замкнуться, уйти в себя, в свой метафизический мир, презрение к суете, с одной стороны, и тяга к общению, желание общественного признания, публичности, стремление занять достойное место в социальной иерархии, с другой. На мой взгляд, занятия философией вообще и работа в нашем Институте в частности позволяют реализовать в полной мере обе эти стороны человеческой природы.

Возможно, я скажу парадоксальную вещь, но я глубоко убеждена, что Институт философии сегодня переживает свой золотой век. Знаю все сложности реформирования академических институтов, вытеснение философии из университетов и научных центров, притеснения общественных наук вообще и проблему с новой системой подсчета результативности научной работы в частности, все мелкие и крупные неурядицы... но! Удача Института в том, что директор – академик Андрей Вадимович Смирнов и научный руководитель – академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, – достойные и харизматичные люди, ученые по призванию, оберегающие наше профессиональное сообщество как свою семью.

Пружинин: *А что Вам дали организованные Вами же проекты (я показываю сейчас на многочисленные афиши)?*

Синеокая: Что мне дали мои проекты? Радость, идущую от свободного общения со значимыми для меня людьми: с теми, кто мне нравится, кто мне интересен, возможность общего дела с коллегами из МГУ, НИУ ВШЭ, РГГУ, Институтов психологии, социологии, географии РАН, другими университетами и институтами. В Философской мастерской сложилась блестящая команда молодых ученых, это содружество уникально. Среди участников и «Анатомии философии», и «Философской мастерской» есть молодые и уже состоявшиеся исследователи, есть и те, профессиональное «открытие» кого произошло в ходе работы проектов. Появилась плеяда новых сотрудников, пришедших работать в Институт после своего рода инициации – успешного выступления в «Философской мастерской».

В ходе наших дискуссий я ясно вижу, какие проблемы и вопросы по-настоящему занимают умы отечественных философов сегодня. Проекты помогли мне лучше понять внутренний механизм работы нашего Института, разглядеть органические связи внутри российского философского сообщества. Тот факт, что проекты не имеют никакой финансовой или грантовой поддержки, держатся исключительно на доброй воле участников, дает мне свободу приглашать к участию только тех, кто действительно интересен. Мы говорим и слушаем друг друга, лучше узнаем друг друга. Знаю, что из этих встреч складываются новые проекты и творческие союзы. Разве может быть цель большая, чем это общение!

Пружинин: *Аудитория, которая сидит в зале, их вопросы, их реакции?*

Синеокая: Аудитория важна. Первый цикл проекта «Анатомия философии» был запущен 6 лет назад в стенах столичной Библиотеки им. Ф.М. Достоевского в центре

Москвы на Чистых Прудах. Тогда это был первый открытый философский просветительский академический проект. Теперь подобных проектов, к счастью, очень много, в библиотеках, музеях, театрах, клубах, кафе, парках. Но тогда, в 2014 г., ничего похожего еще не было. Расчет оказался верным, популярность «Анатомии философии» превзошла ожидания. Место проведения встреч было выбрано удачно: в библиотеке собиралась подготовленная к философским презентациям, ценящая знание, читающая книги аудитория, которая прекрасно понимала ценность общения читателя с автором. Наверное, только с такими слушателями проект мог состояться. Понимающая, вдумчивая аудитория нужна и ученым. Ведь каждый, кто считает важным высказать свою мысль публично, ждет ответной реакции, признания, критики, вопроса. Наука неизбежно замкнута в башне из слоновой кости, будь то исследовательский институт или университет. Выступление перед широкой непрофессиональной аудиторией всегда испытание, вызов. Получится ли увлечь, заинтересовать, захватить внимание, объяснить? И вопросы аудитории ведь тоже непредсказуемы, иногда вопрос может возникнуть такой, который подготовленная аудитория не задаст, но именно такой вопрос или реплика из зала иногда могут изменить направление мысли исследователя, осветить новые акценты и нюансы. Важно, что слушатели становятся свидетелями рождения мысли, погружаются в атмосферу философского диалога, это потрясающий опыт. Такое вовлеченное, захватывающее, основанное на доверии общение необходимо. Особенно важны открытые философские беседы, в ходе которых либо устанавливается хрупкая экзистенциальная близость ведущих разговор, либо разгорается спор, даже дуэль, каждый защищает свою точку зрения, приводит аргументы «за» и «против».

Пружинин: *Я все время возвращаюсь к тематике общения в философии. Надо любить это для того, чтобы ставить под сомнение, менять. Философия, она ведь в динамике. Этим надо жить.*

Синеокая: Да, философия это не столько профессия, сколько образ жизни. Проблема, которой занимаешься профессионально, должна быть твоей личной проблемой, иначе ничего не получится.

Пружинин: *Вот! Это прекрасно. А много ли сил отнимает функционирование в качестве заместителя директора?*

Синеокая: Административная работа отнимает эмоциональные силы и портит язык канцеляризмами циркуляров. Но есть у этой работы и положительная сторона – это смена перспективы, теперь я вижу другой масштаб привычных феноменов научной жизни, лучше понимаю интенции людей. Мне ясно, что главное в моем деле – не мешать коллегам работать, не стараться что-то навязать или изменить волевым решением, однако, когда помощь нужна, реагировать нужно быстро и искренне. Мне нравится появившаяся возможность поддерживать коллег в их работе, я ценю шанс лучше узнать тех, с кем работаю давно, но общаться практически не приходилось, возможность знакомства с новыми людьми. Не мне судить, нравится ли коллегам моя работа, но мне нравится заниматься тем, что я делаю. Однако все меняется, жизнь не стоит на месте, меня не пугают перемены. Существует много интересных дел и возможностей, главное – быть открытым будущему.

Пружинин: *Прекрасно. Ну и перспективы? Что на ближайшие планы? Пусть коротко.*

Синеокая: Мною задуманы три очень разных по сюжету и жанру монографии: очерк о философии Монтеня, исследование восприятия идей Ницше в СССР и книга о путешествии как философском проекте. Одновременно я веду коллективный проект о философских поколениях. Надеюсь, что книга «Философские поколения в России на рубеже XX–XXI веков» будет издана уже в 2021 г. Верю, что будет продолжаться работа «Философской мастерской» и получится запустить новый цикл проекта «Анатомия философии» – «Экслибрис». Планов много, главное – чтобы хватило сил.

Пружинин: *Тогда последний, традиционный вопрос: что бы Вы пожелали журналу «Вопросы философии»?*

Синеокая: «Вопросы философии» журнал знаковый для отечественной философии, очень уважаемый, чья история – история философии в России. Несмотря на то что в XXI столетии в России появилась новая яркая философская периодика, «Вопросы философии» удерживают свои позиции. Возвращение журнала под крышу Института философии РАН было с радостью встречено как сотрудниками Института, так и широкой философской общественностью. Думаю, это событие даст позитивный импульс работе редколлегии журнала, внесет уверенность и укрепит силы. Я желаю журналу открытости, активного выхода в виртуальное интеллектуальное пространство, ведь максимальная доступность архива журнала и новых публикаций крайне важна для философского сообщества. Желаю журналу нового расцвета!

Сведения об авторах

СИНЕОКАЯ Юлия Владимовна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, руководитель сектора истории западной философии Института философии РАН.

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

Author's Information

SINEOKAYA Yulia V. – DSc in Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor RAS, Deputy Director for Research at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

PRUZHININ Boris I. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief, *Voprosy Filosofii*.